

Пролог

Мир, где основной движущей силой общества были мечи и магия.

Деревня называлась Кламберра. Это была маленькая, ветхая деревушка, расположенная на окраине, а менее чем в часе ходьбы от неё находился лес, да такой огромный, что его называли морем деревьев.

Лес был переполнен жизнью. Он изобилывал дичью, которую искали охотники, древесиной для костров и ценными травами для переработки в лекарства. Если бы Кламберра пользовалась всей этой благодатью, она, несомненно, стала бы гораздо более оживлённой деревней, чем была. Но пока не случилось немыслимое, жители деревни знали, что лучше к этому лесу не приближаться.

Ибо жители знали... Они знали, что в глубинах леса скрывается уродливое существо - страшное чудовище-людоед.

И в таком-то вот лесу жила девушка.

В этот лес редко заходили люди, поэтому она всегда была одна.

Попавшие в море деревьев искатели приключений крайне редко ступали на его порог. Когда же они всё-таки ступали, девушка звала их в образах мрачных теней:

- Кто-нибудь, спасите меня...

Тук-тук.

Вы когда-нибудь задумывались о том, какой звук раздастся, если постучать в двери роскошного дома? Раздался приятный звук, словно звучание клавишного инструмента.

- Подождите, пожалуйста, подождите секунду, - зная, что это бесполезно, хозяин комнаты торопливо произнёс в ответ.

Как и ожидалось, дверь распахнулась. Человек с великолепной осанкой, напоминающей лук, тетива которого натянута до предела, бодро вошёл в комнату без единого слова предупреждения. Человек выглядел так, словно само бесстрашие надело на него костюм, чтобы отправиться на прогулку. Однако его глаза в очках излучали невротический, холодный блеск. Хозяин комнаты - Клео Грант - почувствовал, как по его телу пробежал холодок от этого взгляда.

- Эээ...

- Вы заставляете всех на первом этаже ждать. Вы ещё не закончили подготовку?

Мужчина перевел взгляд на лежащий на кровати небрежно раскрытый рюкзак, в котором он смог разглядеть этюдник и футляр с акварельными красками. Пытаясь загородить собой рюкзак, мальчик поспешно встал между мужчиной и кроватью, но было уже слишком поздно.

Мужчину звали Маркус, он работал дворецким в доме. Оглядев Клео, который поднял голову под углом в сорок пять градусов, чтобы посмотреть на него, тот шумно выдохнул.

- Когда вы берётесь за дело, в котором речь идёт о жизни или смерти, вы собираете с собой художественные принадлежности? Вы, должно быть, уверены в себе, - сказал Маркус, не пытаясь скрыть своё недовольство. Если бы это был обычный сарказм, Клео по обыкновению молча повесил бы голову. Но теперь, когда речь зашла о его картинах, как правило робкие, поникшие глаза Клео слегка наполнились гневом.

- ... Вы собираетесь рассказать отцу?..

На мгновение Маркус искривил уголки рта с выражением лица человека, ставшего свидетелем ужасной шутки. Но тут же вернулся к своей обычной безучастности к происходящему.

- Моя работа заключается не в том, чтобы следить за вами. Неважно, в каком психическом состоянии вы принимаете «Испытание Синей Розой», для меня это не имеет никакого значения. Пожалуйста, делайте, что хотите.

Хотя этот человек был дворецким, он вёл себя невежливо, не подобающе работнику дома Грантов. Но Клео не удивился. С того самого дня, когда Маркус впервые приехал в особняк пять лет назад, он ни разу не проявил уважения к старшему сыну дома Грантов.

Об этом свидетельствовало то, как он постучал в дверь Клео. На протяжении всех этих долгих лет было невозможно забыть, что два стука - это проверка свободна ли ванная комната.

Он кланялся и говорил формально, но отсутствие какого-либо подобия сердечности за всем этим было очевидным, даже когда Клео был десятилетним. Сейчас Клео было пятнадцать, и он ещё мало что мог сделать.

Допустим, он попытался бы поднять вопрос о неучтивости и ледяном отношении Маркуса к его отцу, главе дома Грантов. По большому счёту увольнение Маркуса не было бы для него странным. Однако его отец ценил мастерство превыше всего, а Маркус был человеком, чьё мастерство намного превосходило ожидания его отца.

«Вдобавок ко всему, я никогда не был искусным. Я никогда не мог превзойти ни одного из отцовских ожиданий...».

Поэтому Клео молча терпел. Чью сторону примет отец: его или Маркуса? Ему даже не нужно было это проверять. За последние несколько лет отец Клео ни разу не завёл с ним разговор. Клео знал, что на него не возлагались никакие надежды.

Когда-то он действительно чувствовал себя одиноким из-за этого факта. Но теперь Клео был рад этому.

Его отец больше не кричал: «И ты называешь себя наследником дома Грантов?!».

Домашние воспитатели, которые безжалостно обзывали его и били розгами, теперь были видениями из прошлого, имена которых он уже и не мог вспомнить. Теперь, когда никто на него не жаловался, он мог проводить свои дни, рисуя всё, что ему вздумается. Был ли он доволен своим нынешним «Я»? Вопрос был сложным, но, по крайней мере, Клео принимал свою жизнь такой, какая она есть. «Наверное, это правильно», - так думал он.

Именно поэтому он недоумевал: почему он должен брать на себя испытание, связанное с жизнью или смертью?

У Клео от природы было слабое тело и он был довольно болезненным. У его матери Розарии

была такая же конституция; она умерла молодой от болезни. «Наверняка так же будет и со мной», - часто говорил он себе. Но почему бы им просто не оставить его в покое? Почему они вытаскивают его из уютной комнаты, вкладывают в его слабые руки меч и щит и отправляют в опасный лес, где свирепствуют звери?

Затаив в себе хоть капельку недовольства и обиды - ведь это было самое большее, на что Клео был способен, - он уставился на Маркуса. Маркус снова шумно выдохнул, заставив Клео смотреть в другое место.

- Как бы там ни было, пожалуйста, поторопитесь с приготовлениями. Время вашего отъезда не может быть изменено. Все отложили свои дела, чтобы собраться.

С этими словами он развернулся и покинул комнату так же стремительно, как и вошёл. Охваченный чувством поражения, которое невозможно описать словами, Клео неохотно закрыл свой рюкзак. Он бросил взгляд на окно. На подоконнике росло комнатное растение, проросшее бесчисленными колючками. Это растение называлось кактус. Он мог только надеяться, что в его отсутствие кто-нибудь позаботится о нём должным образом. С такими мыслями он закинул рюкзак на спину.

- Э-эх...

Он застонал от тяжести, впивавшейся в плечи, которую никогда не испытывал за пятнадцать лет своей жизни. Если бы он хоть на минуту ослабил бдительность, казалось, что всё его тело откинулось бы назад. В сумке лежал спальный мешок, его художественные принадлежности, плащ, чтобы укрыться от дождя, фляга. Если бы это было всё, он не был бы таким тяжелым, но из-за того, что к нему был прикреплен щит, называемый баклером, который он должен был носить для самообороны, нагрузка стала просто невыносимой. Вдобавок к этому ему дали меч, с которым ему несколько дней нужно было бродить по лесу. Это была пытка. Клео почувствовал, что его разум помутился.

Выйдя в коридор тяжёлыми неустойчивыми шагами, он, пошатываясь, двинулся вперёд. Снова и снова побуждаемый желанием повернуть назад, он в конце концов оказался перед дверью второго этажа, ведущей в вестибюль. Всего одна щель в двери... и тёплые оживлённые голоса людей хлынули в щель, как внезапный потоп. Казалось, что он забрёл на вечеринку.

Клео обошёл дверь. Вестибюль представлял собой атриум, через перила он разглядел первый этаж. Взглянув вниз, он убедился, что все высокопоставленные лица дома Грантов уже собрались. Красная ковровая дорожка, расстеленная от двери до парадной лестницы в центре комнаты, разделяла собравшихся на две части.

Напротив лестницы, во главе группы справа, компания знакомых мужчин дружески беседовала с мачехой Одри. Рядом с ними её сын, которому скоро исполнится три года, Лоранс - сводный брат Клео - со скучающим выражением лица держался за юбку своей матери.

Тем временем во главе группы с левой стороны младшая сестра его отца и её супруг - то есть его тётя и дядя - суетились, беспокойно оглядываясь по сторонам. Когда их лица оказывались рядом, они что-то шептали друг другу на ухо.

Несмотря на то, что все, казалось, с удовольствием болтали, между левым и правым собранием не было никакого общения. Как две компании клиентов, вынужденных делить столик в ресторане, все вели себя так, будто за дорожкой вообще никого не было.

Насколько он смог оценить с первого взгляда, на правой стороне было примерно вдвое меньше

людей. А непосредственно в центре двух рядов, прямо перед парадной лестницей - отец Клео - тот, кто оставался во главе семьи, Фостер Грант, закрыв глаза, словно медитируя, ожидал прибытия сына.

Мысль о том, что столько людей ждут его, заставила его немного испугаться. Его желание повернуть назад достигло наивысшей степени, но морщинка, прочерченная на брови отца, говорила: "Как долго Клео заставит меня ждать?..". Клео вздрогнул, вспомнив звук отцовского хлыста. Его ноги начали двигаться сами по себе, медленно направляясь к лестнице. Те, кто заметил его, закричали. Услышав их голоса, он почувствовал себя рабом гладиатором, выходящим на арену.

<http://tl.rulate.ru/book/30633/657739>